

Как живешь, Ленком?

Стать автором этих строк меня подтолкнула речь Марка Захарова. Это было в голубом зале Московского театра имени Ленинского комсомола.

В тот день коллектив подводил итоги за год. Что-то было привычным по другим театрам: первое место — билетерам, второе — столарям. Что-то удивляло. И не только меня. Сидевший рядом художественный руководитель, а теперь и директор Ленкома хватался порой за голову. А потом взял слово.

— Дорогие товарищи! — начал он. — Меня не покидает ощущение неудовлетворенности нашим собранием. И не потому, что мало было сегодня критических выступлений в адрес главной режиссуры.

Мы заняты таким тонким, таким сложным, таким хрупким делом. И дело это требует сегодня от нас новых токов, новых эмоций, новых идей и планов при совместной работе, при общении друг с другом...

Наши встречи, наши собрания, — продолжал он, — должны будить творческую энергию, заряжать ею. Мы не имеем права просто отбывать время в этом зале. Ведь мы называем себя Театром имени Ленинского комсомола.

Сегодня меня очень мучает, что так затянулся мой недавний кинематографический виток. Поверьте: мне, человеку, от которого очень много зависит в театре, непросто читать о себе в газете: «Еще годится для работы, но надолго ушел...» Обещаю: очень долго не подойду теперь к кинематографу...

Как слушали все, какая стояла в зале тишина:

— Сегодня нам всем вместе предстоит сообразить, как совершенствовать репертуар. Пока есть два хрестоматийных проекта, которые помогут влить новую струю в нашу творческую жизнь. Это «Тезье-молочник» и «На всякого мудреца довольно простоты». А еще напомним про музыкальный спектакль «Театр Модеста Мусоргского», в который я тоже очень верю...

Несколько раз беседовал я и с Виктором Сергеевичем Розовым. Есть мысль об инсценировке, связанной с Вели-

ким инквизитором из «Братьев Карамазовых», с темой Ивана, с темой черта. Темой сложной, трудной, затрагивающей и вопросы религии, и категории совести, чести — моральных качеств, духовных механизмов человеческого бытия. В ближайшее время драматург даст ответ, устремляется он в это дело или нет...

Самый напряженный участок — современная советская пьеса. Мы читали одну, может быть, наиболее интересную из того, что попало за последние месяцы в руки. Это — «Подземный переход». Ощущения разноречивые. Я всячески призываю всех приходить на читки современной драматургии. Приходить. Слушать. Думать. Высказываться.

Заинтересовать зрителя современными проблемами — наш долг.

Дело осложняется тем, что вокруг публицистической, политической струны, которой мы умеем касаться, вокруг пьесы Шатрова «Дальше... дальше... дальше» разгорелась дискуссия. И хотя эта пьеса впрямую не для нас писалась, Михаил Филиппович сразу высказал пожелание: «Буду рад, если вы начнете!». Почему бы не прокрутить этот вопрос? Сначала на художественном совете. Затем на более широкой аудитории.

Надежды возлагаем мы и на молодого режиссера Владислава Быкова. Хотели бы видеть его в качестве строителя нашего театра. Несмотря на экспериментальный характер его спектаклей на нашей Малой сцене, он породил чувство, что может сделать много.

Пока, как мне кажется, не заметно, чтобы зритель охладел к нам. Но я очень прошу всех думать сегодня не о Малом зале, а о нашей большой сцене. Нам очень важно быстрее поменять на ней вещи, которые поизносились. Поменять на спектакли, за билет на которые и по три рубля не стыдно было бы со зрителя брать...

Он выдержал паузу:

— О гастролях. И при новой

их системе в нашем театре не будут только о деньгах думать. Снова напомним: когда Немецовой-Данченко узнал, что МХАТ дал за год около двухсот спектаклей, он поднял панику. Сейчас в мировом серьезном театре называют такую допустимую цифру выступлений — от двухсот до двухсот пятидесяти спектаклей в год. Дальше начинается соревнования с кинематографом, с игральными автоматами. Ведь актерское вдохновение имеет физический предел: нельзя даже у актера переделывать нервную систему. Да в условиях телевизионной революции, когда столько развлечений, и не нужно это делать! Говорю так потому, что играем мы спектаклей все еще очень и очень много. Чудовищно много.

Он снова помолчал.

— Не хочу вспоминать, как отчитал в свое время товарищ Гришин наш художественный совет за то, что собирался этот совет вместе с партийным бюро. Считаю, что сегодня такие совместные заседания нужны чаще. И, на мой взгляд, они должны быть открытыми. Пусть каждый видит, как решаются самые важные проблемы, от которых зависит наше настоящее, наше будущее.

И еще раз говорю: давайте учиться искусству готовить и проводить наши собрания. Ведь почему еще всем нам так дорога наша «Оптимистическая трагедия»? Да потому еще, что почти всех нас она собирает на спектакль вместе. Что бывает, к сожалению, редко...

Давайте же и наши собрания превращать в радостные мгновения творчества!

Пусть простит меня Марк Анатольевич: возможно, я не во всем дословно передал его выступление. За содержание ручаюсь. И еще: тогда мне виделись многие черты современного режиссера. И широкая мышленность. И умение признавать свои ошибки, столь нужное театральному лидеру. И мужество, без которого быть режиссером нельзя.

К. РАСПЕВИН.

Соб. материалы 1986 г. 24 апр.